

*Памяти Майи.
Я воскресну*

*Данте и Вергилий переправляются
через реку Стикс.
Гравюра Гюстава Доре. 1870 г.*

Пролог

Флоренция, 1283 год

Поэт стоял возле моста и смотрел на приближающуюся молодую женщину. Едва он увидел ее большие темные глаза и изящно завитые каштановые волосы, окружающий мир перестал для него существовать.

Поэт не сразу ее узнал. Она была завораживающе красивой, а ее движения — уверенными и грациозными. Но в ее лице и фигуре было нечто, сразу напомнившее ему девушку, в которую когда-то он был без памяти влюблен. Потом жизнь разлучила их, но поэт всегда тосковал по своей возлюбленной Беатриче — его ангелу и музе. Без нее его жизнь сделалась одинокой и никчемной.

«Но благодать моя вернулась вновь», — подумал он.

Женщина была не одна, а с несколькими спутницами. Когда она поравнялась с поэтом, он склонил голову и учтиво поклонился. Он не уповал на то, что его присутствие будет замечено. Она, совершенная и недосягаемая, кареглазый ангел в белоснежных одеждах, и он, заметно старше ее, утративший вкус к жизни, зато хорошо знакомый с нуждой.

Она уже почти прошла мимо, как вдруг опущенные глаза поэта заметили, что изящная туфелька незнакомки замерла рядом с ним. Сердце поэта бешено заколотилось, а сам он, затаив дыхание, с трепетом ждал, что будет дальше. Потом он услышал ее негромкий нежный голос, исполненный доброты. Ошеломленный поэт поднял голову. Их глаза встретились. Сколько лет он мечтал об этом мгновении, но и подумать не мог, что судьба подарит ему счастли-

СИЛЬВЕЙН РЕЙНАРД

вую встречу. Он и надеяться не смел быть удостоенным столь теплого приветствия.

Застигнутый врасплох, поэт забормотал какие-то любезности и позволил себе улыбнуться. Он тут же был вознагражден ответной улыбкой своей музы. В его сердце стал разрастаться огонь любви, едва тлевший столько лет, и вдруг превратился в адский пламень.

Увы, их разговор был совсем коротким. Она сказала, что не может задерживать своих спутниц. Поэт склонил голову, прощаясь с нею, а затем долго глядел ей вслед. Надвигавшаяся печаль остужала радость этой неожиданной встречи. Поэт думал о том, суждено ли им увидеться снова...

Глава 1

— ...Мисс Митчелл? — Голос профессора Габриеля Эмерсона, словно пущенная стрела, пронесся по аудитории и вонзился в милостивую кареглазую девушку, которая сидела на заднем ряду.

Ей было не до слов профессора. Склонив голову, девушка что-то лихорадочно строчила в своей тетради.

И сейчас же все глаза повернулись в ее сторону, увидев бледное лицо, длинные ресницы и тонкие белые пальцы, сжимавшие ручку. Потом те же десять пар глаз вновь уставились на замершего и нахмурившегося профессора. Язвительный тон его голоса совершенно не вязался с красивым, безупречно правильным лицом, большими выразительными глазами и полным ртом. Профессор Эмерсон был чертовски обаятелен, однако его излишняя строгость сейчас играла против него.

Вслед за профессорским вопросом справа от мисс Митчелл послышалось негромкое покашливание. Она повернулась и только сейчас заметила, что на соседнем стуле сидит широкоплечий молодой человек. Он улыбнулся и движением глаз указал на профессора.

Девушка не спешила смотреть в указанном направлении, оттягивала встречу с сердитыми синими глазами, устремленными на нее. Она шумно проглотила скопившуюся слюну.

— Жду вашего ответа на свой вопрос, мисс Митчелл. Если, конечно, вы соблаговолите присоединиться к нашему разговору. — Его голос был таким же ледяным, как и глаза.

Остальные аспиранты ерзали на стульях и переглядывались. На их лицах ясно читался вопрос: «Какая муха его укусила?» Но вслух ни-

кто не произнес ни слова. Каждый, кто знаком с аспирантской средой, знает: там вообще стараются не усложнять отношений с преподавателями, не говоря уже о том, чтобы позволить себе какую-нибудь грубость.

Мисс Митчелл открыла рот и тут же закрыла, глядя прямо в мигающие синие глаза. Ее глаза были широко распахнуты, как у испуганной крольчихи.

— Может, английский не ваш родной язык? — насмешливо осведомился профессор Эмерсон.

Черноволосая девушка, сидевшая справа от профессора, подавила смехок, неуклюже превратив его в покашливание. Глаза аспирантов снова повернулись к испуганной крольчихе. Девушка густо покраснела и втянула голову в плечи, сумев наконец выскользнуть из оков профессорского взгляда.

— Похоже, мисс Митчелл обладает редкой способностью присутствовать на двух семинарах сразу. И на втором семинаре ей сейчас намного интереснее, чем у нас. Поскольку я не смею ей мешать, может, кто-то из вас будет так любезен и ответит на мой вопрос?

Красотке справа просто не терпелось ответить. Она мгновенно воспользовалась представившейся возможностью. Повернувшись к профессору Эмерсону, она стала отвечать, причем очень подробно, даже с цитатами из Данте. Их она произносила по-итальянски, жестикулируя, как истая итальянка. Закончив, она насмешливо взглянула в дальний угол аудитории, затем вновь посмотрела на профессора и вздохнула. Во всем этом спектакле не хватало нескольких завершающих движений. Исполнительнице следовало бы подбежать к Эмерсону и начать тереться спиной о профессорскую ногу, показывая свою готовность быть его вечной кисой. Впрочем, такое выражение «кошачьей преданности» вряд ли было бы по достоинству оценено Эмерсоном.

Профессор нахмурился — нахмурился вообще, а не в знак недовольства кем-либо, — повернулся спиной к аудитории и стал что-то писать на доске. Испуганная крольчиха крепилась, чтобы не разреваться, и продолжала строчить у себя в тетради.

Не поворачиваясь к аспирантам, Эмерсон монотонно рассказывал о конфликте между гвельфами и гибеллинами и об отображении это-

го конфликта в «Божественной комедии». Тем временем на обложке словаря, принадлежавшего испуганной крольчихе, появилась записочка. Мисс Митчелл ее не замечала, пока сосед справа не напомнил о себе новым покашливанием. Она повернулась. Симпатичный парень радостно улыбнулся и кивнул в сторону записочки.

Увидев бумажный квадратик, мисс Митчелл не сразу развернула послание. Убедившись, что профессор Эмерсон целиком погружен в толкование устаревших слов итальянского языка, она быстро переложила записку себе на колени и только там решила развернуть.

Эмерсон — придурак.

Мисс Митчелл могла не опасаться: этих слов не видел никто. Аспиранты смотрели на Эмерсона. На испуганную крольчиху смотрел лишь ее сосед справа. Прочитав два крамольных слова, девушка покраснела, но уже по-другому. Ее щеки окрасились в розовый цвет. Она улыбнулась. Чуть-чуть, одними губами. И все же это была улыбка.

Потом большие глаза мисс Митчелл переместились на соседа. Парень широко, по-дружески ей улыбнулся.

— Мисс Митчелл, вы находите мои слова смешными?

Карие глаза испуганной крольчихи в ужасе распахнулись, став еще больше. Улыбка ее нового приятеля тут же погасла, а он сам повернулся к профессору. Но мисс Митчелл предпочла не встречаться еще раз с холодными синими глазами ее мучителя. Она опустила голову и принялась кусать нижнюю губу.

— Профессор, это я виноват, — вступился за нее улыбчивый парень. — Я спрашивал у мисс Митчелл, на какой странице мы читаем.

— Весьма странный вопрос, Пол. Особенно для докторанта. Раз вы спросили, отвечаю: мы начали с первой песни. Надеюсь, вы разыщете ее самостоятельно. Вы согласны со мной, мисс Митчелл? — Испуганная крольчиха подняла глаза. Конский хвост, в который были стянуты ее волосы, едва заметно подрагивал. — После занятий зайдите ко мне.

Глава 2

Семинар закончился. Записку улыбочивого парня Джулия Митчелл записнула между страницами своего итало-английского словаря. Возможно, по чистой случайности записка оказалась на странице, где было слово «asino»¹.

— Прости, что так получилось. Давай знакомиться. Пол Норрис.

Улыбочивый парень протянул ей широкую ладонь, похожую на медвежью лапу. «А у меня ладошка совсем маленькая», — подумала Джулия, осторожно пожимая ему руку.

— Привет, Пол. Я Джулия Митчелл.

— Вот и познакомились. До сих пор не могу понять, чего он к тебе прицепился? Конечно, придурок он еще тот. И что его гложет?

Все это было сказано без малейшей доли сарказма, просто как факт. Наверное, мысленно Пол уже давно именовал профессора Эмерсона придурком.

Тем не менее Джулия покраснела и принялась собирать свои книги.

— Ты новенькая? — спросил Пол.

— Да. Я здесь недавно. Приехала из Филадельфии, после Университета Святого Иосифа.

Он кивнул, как будто место, откуда она приехала, для него что-то значило.

— Хочешь получить степень магистра?

— Да, — ответила Джулия. — Может, кому-то и странно, но я хочу стать специалистом по творчеству Данте.

— Так ты приехала сюда ради Эмерсона?! — присвистнул Пол.

Джулия кивнула, и он заметил, что у нее слегка пульсирует жилка на шее, хотя учащенного сердцебиения, естественно, слышать не мог. Такая реакция несколько удивила Пола, но он не придал ей особого значения. До поры до времени.

— Эмерсон, конечно, блестящий спец, но учиться у него тяжело. Сама видишь, число аспирантов не зашкаливает. Мы с Кристой Петерсон пишем у него докторские. Ее ты уже видела.

¹ Придурок (*ит.*). — Здесь и далее прим. перев.

— Крису? — удивленно переспросила Джулия.

— Ну да. Я про красотку, что отвечала вместо тебя. Хочет стать доктором философии. Но ее заветная цель — стать миссис Эмерсон. Девушка времени зря не теряет. Стряпает ему домашнее печенье, изобретает предлоги, чтобы зайти к нему в кабинет, без конца оставляет сообщения на автоответчике. В общем, развила невероятную активность! — Джулия снова кивнула, ничего не сказав. — Такое ощущение, будто эта Криста знать не знает про местные правила. А в Торонтском университете, между прочим, правила весьма строгие и близкие отношения между студентами и преподавателями запрещены.

Теперь Джулия улыбалась. «Какая чудная у нее улыбка. Надо будет сделать так, чтобы она улыбалась почаще», — решил Пол. Впрочем, встреча, ожидавшая Джулию, никак не располагала к улыбкам.

— Тебе пора в кабинет к этому придурку. Помнишь, он сказал, чтобы после семинара ты зашла к нему? Не заставляй его ждать. Он помешан на пунктуальности.

Джулия спешно побросала вещи в свой выдавший виды студенческий рюкзачок, верой и правдой служивший ей с первого курса колледжа.

— Слушай, а ведь я даже не знаю, где его кабинет, — спохватилась она.

— Выходишь из аудитории, сворачиваешь налево, потом еще раз налево. У него угловой кабинет в самом конце коридора. Удачи! Увидимся на следующем семинаре, если не раньше.

Джулия наградила Пола благодарной улыбкой и отправилась на экзекуцию.

Завернув за угол, она сразу увидела, что дверь профессорского кабинета приоткрыта. Подойдя к двери, Джулия остановилась, мучительно решая, как ей быть. Постучаться? А может, заглянуть? Немного помешкав, она выбрала первый вариант и протянула руку. Но тут она услышала голос Эмерсона.

— Прошу прощения, что не перезвонил. Но я был не где-то, а на семинаре! — Знакомый, слишком даже знакомый голос.казалось, профессор Эмерсон не произносит, а выплевывает слова в телефонную трубку. После короткой паузы он продолжил: — Да пойми